

НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

© 2017 А. ЛОМАНОВ

Начиная с 2013 г. в Китае происходит обновление набора нормативных идей в сфере внешней политики. Концепции «нового типа международных отношений», «нового типа отношений между большими государствами», «сообщества судьбы», «правильного взгляда на долг и выгоду» характеризуют внешнеполитические взгляды нынешнего китайского руководства. В статье предпринята попытка систематизировать эти новые концепции, выявить их связь с актуальными проблемами взаимодействия Китая с внешним миром. Проведенный анализ помогает углубить понимание взглядов китайского руководства на перспективы трансформации существующего мирового порядка под влиянием Китая.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, внешнеполитическая идеология, глобальное управление, «сопредельная дипломатия», традиционные ценности

NEW CONCEPTS OF CHINA'S FOREIGN POLICY

Alexander V. LOMANOV, D.Sc. (History), Head Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, Professor of the Russian Academy of Sciences (a_lomanov@hotmail.com)

Since 2013 China updates the set of normative ideas in foreign policy. Concepts of "new type of international relations", "new type of relations between big powers", "community of destiny", "correct view on righteousness and benefit" represent vision of foreign policy of current Chinese leadership. The article attempts to systematize these new concepts and to trace their connection with actual problems of China's interaction with the world. The analysis helps to deepen understanding of views of Chinese leadership on perspectives of transformation of existing world order under China's influence.

Keywords: Xi Jinping, foreign policy ideology, global governance, "peripheral diplomacy", traditional values

Китайская внешняя политика заметно изменилась за пять лет после смены осенью 2012 г. высшего партийного руководства. Пекин провозгласил амбициозный план строительства «одного пояса, одного пути» и приступил к его реализации. Выросло стремление Китая участвовать в реформировании механизмов глобального управления. Политика продвижения китайских интересов в Южно-Китайском море стала более уверенной и напористой.

Для углубленного понимания происходящих перемен важно анализировать не только дела, но и слова, выражающие новые концепции китайского руководства. С 2013 г. в Китае происходит обновление нормативных идей в сфере внешней политики. Источниками их появления в большинстве случаев являются выступления китайского лидера Си Цзиньпина. Китай использует рост своего международного влияния для продвижения этих концепций во внешний мир. За несколько лет формулировки «дипломатия большого государства с китайской спецификой», «новый тип международных отношений», «новый тип отношений между большими государствами», «сообщество судьбы», «правильный взгляд на выгоду и справедливость» стали узнаваемыми за пределами Китая, проникнув в мировые СМИ.

Рост экономического потенциала и стремление к расширению международного влияния взаимосвязаны. Поворотным событием стал мировой финансовый кризис 2008-2009 гг., после которого китайская экономика сохранила высокие темпы роста на фоне замедления развитых стран. Это стимулировало осознание Китаем собственной роли

«большого государства», которое несет свою долю ответственности за мировое развитие и обладает правом голоса при обсуждении глобальных проблем. Пекин стал уходить от привычного амплуа сосредоточенного на внутренних проблемах развивающегося государства после того, как созданный Западом мировой экономический порядок продемонстрировал свою неустойчивость и, как следствие, неспособность гарантировать долгосрочные интересы развития КНР. В 2010 г. Китай превзошел Японию по объему ВВП и превратился во вторую по величине экономику мира, после чего потребность в разработке новых подходов в сфере внешней политики стала еще более заметной.

Нынешнюю трансформацию китайской внешней политики можно назвать отложенным явлением. Нели Носселт (Институт Азиатских исследований, Гамбург) обратила внимание, что завершение «холодной войны» не привело к значительному пересмотру связей Китая с внешним миром. Нормализацию отношений с США Китай начал намного раньше, еще в 1970-е гг. В отличие от постсоветских государств, он не занимался поиском новых союзов и партнерств после событий

ЛОМАНОВ Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, профессор РАН. РФ, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32 (a_lomanov@hotmail.com)

1989-1991 гг., которые привели к трансформациям в Восточной Европе и к распаду СССР.

Данное суждение верно лишь отчасти. Именно в эти переломные годы Китай успешно восстановил связи с СССР, которые потом стали основой для развития партнерства с Россией. Однако можно согласиться с тем, что отношения Китая с западными странами продолжали двигаться по накатанной колее вплоть до мирового кризиса 2008 г., который, по мнению Н. Носселт, в Пекине восприняли если не как предвестие окончательного упадка США, то как возможность обрести более существенную роль в обсуждении правил игры с правительствами других стран. «Эта интерпретация международной системы вместе с растущими материальными возможностями Китая может означать, что определенная для себя Китаем роль в международной системе может постепенно измениться» [1, р. 30].

В Китае признают, что эти изменения уже происходят. В опубликованном в «Жэньминь жибао» в конце 2015 г. установочном комментарии была схематично обрисована их последовательность. В первые десятилетия после образования КНР в годы строительства социализма страна следовала дипломатии «версии 1.0». В годы реформ была разработана дипломатия «версии 2.0», нацеленная на расширение контактов с внешним миром и международную интеграцию. Ныне китайская дипломатия переходит к «версии 3.0», когда страна становится «ответственным участником и строителем, который внутри мирового порядка и глобального управления заявляет свою позицию» [2].

Наиболее примечательной особенностью новейшей версии китайской внешней политики стало стремление разработать собственную глобальную повестку дня. В 1990-е гг. доминирующей темой была способность Китая противостоять иностранному давлению и отстаивать свою позицию. Она нашла воплощение в названиях политических бестселлеров тех лет: «Китай может сказать нет», «Китай недоволен» и т.п., добившихся коммерческого успеха на волне патриотической националистической консолидации китайского общества. Питер Фердинанд (Университет Уорик, Великобритания) подметил, что лет двадцать тому назад китайские патриоты по большей части предпочитали говорить «нет». Ныне, «подражая Обаме и бывшему малайзийскому премьеру Махатхиру Мохаммаду, они просто утверждают, что «Китай может» (победить или сделать)» [3, р. 948].

Ушла на задний план критика западной «теории ответственности Китая». В прошлом китайские пропагандисты видели в рассуждениях западных политиков и экспертов о недостаточном вкладе Китая в решение мировых проблем злославленную «уловку», нацеленную на то, чтобы убедить Пекин взять на себя неподъемную ношу обязательств и тем самым помешать китайскому эко-

номическому развитию. Ныне вопрос ответственности Китая за решение глобальных проблем перестал вызывать споры. Однако объем своего вклада в мировые дела Китай по-прежнему намерен соизмерять с собственными возможностями и с потребностями стран незападного мира, а не с запросами развитых западных стран.

АКТИВНОСТЬ С ОПОРОЙ НА СТРАТЕГИЮ

После прихода к власти Си Цзиньпина ведущее место в официальной идеологии в конце 2012 г. занял лозунг «китайской мечты», призывающий сосредоточить усилия на «великом возрождении китайской нации». Китайская сторона настойчиво подчеркивала, что осуществление этой «мечты» не угрожает внешнему миру. Напротив, превращение Китая в сильное и богатое государство принесет другим странам существенные выгоды, в этом качестве он сможет внести более ощутимый вклад в развитие человечества.

Новые акценты во внешнеполитической идеологии 28 января 2013 г. на коллективной учебе политбюро ЦК КПК обозначил Си Цзиньпин. Прежде всего, он призвал «укреплять стратегическое мышление» и «наращивать способность к созданию стратегии». Китайские комментаторы поясняли, что разработка долгосрочной программы действий станет ответом на осложнение внешнеполитической обстановки вокруг Китая.

Во-вторых, было заявлено о необходимости четко обозначить пределы, за которые Китай не станет отступать в случае дальнейшего ухудшения ситуации. Си Цзиньпин заявил о «надлежащих правах» и «коренных интересах» Китая, жертвовать которыми недопустимо. «Ни одна зарубежная страна не должна надеяться на то, что мы будем вести торг по поводу наших собственных коренных интересов, что мы проглотим горькие плоды нарушения суверенитета, безопасности и интересов развития нашей страны» [4].

На официальном уровне было провозглашено «мышление о нижней границе», т.е. осознанное обозначение предела компромисса в отношениях с другими странами. По словам Си Цзиньпина, в любом деле необходимо готовиться к худшей ситуации, упорно добиваясь наилучшего результата. Если Китай будет готов к неожиданностям, то сумеет преодолеть трудности и сможет прочно овладеть инициативой.

На совещании по дипломатии с сопредельными странами в октябре 2013 г. Си Цзиньпин призвал «стремиться к достижениям» (*фэньфа ювэй*). Эта формулировка стала лейтмотивом новой китайской дипломатии. Значение этого призыва очень велико. Заветом Дэн Сяопина стала сформулированная в начале 1990-х гг. стратегия выдержки и осторожности, которая предписывала «хладнокровно наблюдать, сохранять свои позиции, сдержанным образом принимать ответные

меры, не выставляя свои возможности напоказ, проявить мастерство непритязательности, ни в коем случае не становиться во главе». Официально от линии «сокрытия возможностей» в Китае не отказывались. Однако «стремление к достижениям» во внешней политике требует активных целенаправленных действий, которые трудно совместить с отстраненным наблюдением за происходящим вокруг Китая.

Призыв к активным действиям с опорой на самостоятельно разработанную стратегию воплотился в конкретных шагах в области политического планирования. В ноябре 2013 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва было решено создать Совет государственной безопасности (СГБ) ЦК КПК, способный взять на себя задачи координации внутренней и внешней политики, «укрепить централизованное единое руководство в области государственной безопасности». Совету поручили отвечать за разработку и проведение в жизнь стратегии государственной безопасности, за подготовку соответствующей законодательной базы, выработку политического курса в области государственной безопасности, а также за «исследование и решение важных проблем государственной безопасности». Одним из аспектов деятельности СГБ ЦК КПК стало налаживание более эффективного взаимодействия партийно-государственного руководства, силовых ведомств и дипломатических органов, расширение их сотрудничества с научно-экспертным сообществом.

СГБ ЦК КПК возглавил Си Цзиньпин. Поскольку в центре внимания Совета находятся внутренние проблемы, в качестве возможного варианта повышения компетенции этого органа во внешнеполитической проблематике китайские эксперты предлагают назначить члена постоянно комитета политбюро ЦК на должность постоянного заместителя председателя СГБ ЦК КПК и одновременно предоставить ему пост заместителя главы Руководящей группы по международным делам ЦК КПК. Другое предложение сводится к наделению главы МИД КНР статусом вице-преьера, который также являлся бы членом политбюро ЦК [5].

Исследователи отмечают, что за годы, прошедшие со времени образования КНР, уровень самой высокой должности, которую занимал главный китайский дипломат, снизился от премьера (Чжоу Эньлай) и маршала (Чэнь И) до вице-преьера и члена Госсовета. После 1998 г. глава МИД КНР ни разу не был избран членом политбюро ЦК КПК, «невозможно ошибиться в политическом понижении китайских министров иностранных дел» [6, р. 424].

Активизация китайской внешней политики ставит новые требования к научно-аналитической деятельности. Обеспечить исследовательскую поддержку разработки стратегии призвана провозглашенная в апреле 2013 г. Си Цзиньпином

инициатива создания «мозговых центров нового типа с китайской спецификой». Они должны не только консультировать китайские органы власти, но также вести диалог с зарубежной элитой и влиять на общественное мнение в качестве компонента «мягкой силы».

«ПРОЕКТИРОВАНИЕ СВЕРХУ»

Китайское руководство часто говорит о необходимости «проектирования сверху» (*динцэн шицзи*). Первоначально этот тезис относился к экономическим реформам внутри страны, которые стало невозможно проводить прежним эмпирическим методом «перехода через реку по камням». После выдвижения в 2013 г. инициативы «один пояс, один путь» необходимость комплексного «проектирования» стала очевидной в сфере внешней политики и внешних экономических связей.

28 апреля 2016 г. в ходе встречи с главой МИД России С.В.Лавровым Си Цзиньпин подчеркнул, что в развитии двусторонних отношений необходимо укреплять «проектирование сверху» и «стратегическое видение» (*чжаньлюэ иньлин*) [7]. Эти призывы китайской стороны к координации действий на уровне высшего руководства следует рассматривать в контексте современного политического лексикона КНР.

Свою способность «проектирования сверху» Китай уже продемонстрировал. На начальном этапе реализации инициативы «один пояс, один путь» весной 2015 г. была предложена комплексная схема из пяти компонентов. Она предполагает скоординированные усилия по стыковке китайской политики с решениями других стран в области создания экономических союзов, транспортных коридоров и зон развития, соединение транспортной инфраструктуры, развитие торговли, активизацию финансовых связей. Завершающим компонентом стало «взаимное соединение людских сердец», т.е. развитие связей в гуманитарной сфере.

На форуме высокого уровня «пояса и пути» в Пекине 15 мая 2017 г. Си Цзиньпин предложил обновленную трактовку этой политики. Теперь «один пояс, один путь» должен стать «путем мира», включая принятие участниками общего «взгляда на безопасность» и совместное решение «горячих проблем». Задачи в области производства, финансов и инфраструктуры должны содействовать появлению «пути процветания». Также это «путь открытости», где функционируют способствующие экономическому росту правила международной торговли и инвестиций. Это «путь инноваций», где осуществляется сотрудничество в сферах цифровой экономики, искусственного интеллекта, нанотехнологий, квантовой вычислительной техники. Внимание к гуманитарному аспекту нашло отражение в формулировке «путь

цивилизации» - он должен быть основан на взаимном понимании и уважении между разными цивилизациями, между которыми не должно быть барьеров и конфликтов.

Исследователи указывали, что логика инициативы «один пояс, один путь» аналогична «функционалистскому подходу» при создании после Второй мировой войны Европейского объединения угля и стали ради построения общей трансграничной инфраструктуры, которая могла бы способствовать внешнеполитическому сотрудничеству и ограничивать риск возникновения нового конфликта. Отличие от европейского проекта состоит в том, что соединение транспортной инфраструктуры «пояса и пути» пока не предполагает создания производств, которые были бы предназначены для обслуживания рынков нескольких стран, благодаря чему мотивация к предотвращению конфликтов стала бы еще сильнее. Китайская инициатива «демонстрирует большую чувствительность к национальному суверенитету, чем это было в Европе. В этом смысле ее можно рассматривать как интеграцию китайского стиля или «азиатскую» интеграцию» [3, р. 950].

Это не означает, что подобные инициативы не могут появиться в обозримом будущем. Планы строительства «пояса и пути» быстро развиваются, они охватывают уже не только экономику и гуманитарную сферу, но и проблемы обеспечения безопасности и стабильности. Способность соединить эти аспекты в единую скоординированную программу стала показателем роста возможностей Китая в сфере внешнеполитической стратегии. Это стимул и одновременно вызов для стран, намеревающихся принять участие в строительстве «пояса и пути». Чтобы дать оперативные ответы на китайские инициативы с учетом своих национальных интересов, им необходимо опираться на собственную профессиональную внешнеполитическую и экономическую аналитику.

К МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ НОВОГО ТИПА

В ходе первого зарубежного визита в должности председателя КНР Си Цзиньпин в марте 2013 г. посетил Москву и выступил в МГИМО. Там он впервые озвучил идею «создания международных отношений нового типа, сердцевиной которых являются сотрудничество и взаимный выигрыш». Эта формулировка легла в основу обновленной концепции китайской внешней политики.

Ключевой производной «международных отношений нового типа» стали «отношения нового типа между большими государствами», которые Китай с 2013 г. предлагает в качестве основы разработки модели взаимодействия с США. Ее основными характеристиками в китайской интерпретации выступают «неконфликтность, отсут-

ствие противостояния, взаимное уважение, сотрудничество и общий выигрыш».

Несмотря на стремление России заявить о себе как о «большом государстве» современного мира, нет нужды претендовать на подобный статус в отношениях с Китаем. Китайская формулировка четко указывает, что «отношения нового типа между большими государствами» в первую очередь подразумевают устранение духа конфронтации. В нынешних российско-китайских отношениях этой проблемы нет. Стороны преодолели былые разногласия и восстановили диалог еще в конце 1980-х благодаря советско-китайской нормализации, а в 1990-е перешли к созданию полномасштабного партнерства.

Концепцию «отношений нового типа между большими государствами» Цзэн Цзинхань (Ройял-Холлоуэй, Лондонский университет) и Шон Бреслин (Университет Уорик) назвали «большой двойкой с китайской спецификой». Предложение сформировать «большую двойку» (G2) США и Китая появилась внутри американского экспертного сообщества в середине первого десятилетия XXI в. Идея «совместного управления миром» Китаю не понравилась, в ней усмотрели попытку переложить на Пекин бремя поддержания американской гегемонии. В 2009 г. китайское руководство ее отвергло, сославшись на то, что в условиях многополярности никакие две державы, даже самые крупные, не смогут справиться с трудностями мирового развития. Теперь Китай провозгласил собственную формулировку, которая призвана решить проблему отношений с Америкой с более «симметричных» для Китая позиций, чем это было в случае с «большой двойкой» [8, р. 774].

Чтобы пояснить важность понимания китайских внешнеполитических формулировок, следует указать на «казус Тиллерсона» в Пекине. Перед встречей с главой МИД КНР 18 марта 2017 г. госсекретарь США заявил, что между странами сложились «весьма позитивные» отношения, которые «основаны на отсутствии конфронтации и конфликтов, взаимном уважении и постоянном поиске взаимовыигрышных решений» [9]. Рекс Тиллерсон практически дословно повторил четыре компонента китайской трактовки «отношений нового типа между большими государствами». Было это проявлением недостаточной осведомленности либо намеком на возможность сближения двух стран после китайских уступок по проблеме Северной Кореи, поверхностное принятие набора слов в любом случае не означало готовности США принять смысл, который в них вкладывает китайская сторона. Более того, «заговорившего по-китайски» Тиллерсона начали обвинять в неоправданных уступках, консервативные американские публицисты забеспокоились о том, что согласие на взаимное уважение интересов означает «умиротворение» Китая и утрату позиций США в Азии [10].

КИТАЙ И США В «ЛОВУШКЕ ФУКИДИДА»

США вряд ли примут китайскую концепцию «отношений нового типа», поскольку не готовы уступать лидерство и делить его с Китаем на паритетных началах. Понимая это, китайская сторона уделяет большое внимание теме «ловушки Фукидида» и возможности возникновения конфликта между Китаем как растущей большой державой и США как «державой статус-кво», стремящейся сохранить свои ведущие позиции в мире. Благодаря гарвардскому политологу Грэму Аллисону образ неизбежного конфликта между набирающими силу Афинами и охваченной страхом перед этим усилением Спартой из «Истории Пелопоннесской войны» превратился в синоним грядущего столкновения Китая и США. В новой книге «Обреченные на войну: могут ли Америка и Китай избежать “ловушки Фукидида”?» Аллисон подчеркнул: «Когда растущая держава грозит вытеснить правящую державу, должны звонить колокола тревоги: впереди опасность. Китай и Соединенные Штаты находятся на пути к военному столкновению - если обе стороны не предпримут трудных и болезненных действий по его предотвращению» [11, p. vii].

При обсуждении «ловушки Фукидида» западные эксперты склонны акцентировать практические и военно-политические проблемы. Грегори Мур (Университет Ноттингема в Нинбо, Китай) обрисовал набор причин, которые могут не позволить избежать «ловушки». Прежде всего, это стратегический дефицит доверия. У данной проблемы нет простого решения, поскольку Америке не нравится китайский авторитарный режим, а Китай считает Америку гегемоном с менталитетом «холодной войны», нацеленным на сдерживание Китая. У сторон нет общего понимания смысла американской политики «поворота» в Азиатско-Тихоокеанском регионе: США предпочитают говорить о «перебалансировании» или «хеджировании», но не о «сдерживании», хотя именно так эту политику воспринимают в Китае. В качестве источников трений эксперт указал на новые тенденции в морской политике Китая, на разногласия сторон по кибербезопасности, на опасную динамику в китайской военной программе «ограничения доступа» (*A2AD*) и американской стратегии «воздушно-морского сражения» (*AirSea Battle*), на более тесное стратегическое сближение Китая и России, а также на сокращение отставания Китая от США по оборонным расходам (в 2012 г. они составляли 18,7% от американских, в 2015 г. - 24,4%) [12].

Метафора из древнегреческой истории быстро проникла в китайский политический лексикон. В сентябре 2015 г. в Сياتле Си Цзиньпин заявил: «В мире нет никакой “ловушки Фукидида”, но если между крупными державами будут вновь и вновь возникать ошибочные стратегические суж-

дения, они могут сами для себя создать “ловушку Фукидида”» [13]. Он подчеркнул, что в отношениях Китая и США должно стать больше доверия и понимания. При стратегических оценках не следует поддаваться на слухи, когда «три человека говорят, что в городе тигр». Нельзя также опираться на пустые подозрения, уподобляясь персонажу из древней книги «Люйши чуньцю»: когда он потерял топор, ему сразу показалось, что сосед ведет себя как вор, но когда топор нашелся, в поведении соседа не стало ничего подозрительного. Также недопустима предвзятость, когда на окружающий мир смотрят через «окрашенные очки».

Подхватившие эту тему китайские эксперты подчеркивают, что тезис о неизбежности столкновения между возвышающейся «новой державой» и «старой державой» в лице США безоснователен. Они склонны возлагать вину на устаревшие концепции западной политологии и теории международных отношений (стремление к гегемонии, реализм, баланс сил и т.д.). Для полного устранения «ловушки Фукидида» предлагается поменять взгляды на международные отношения, инкорпорировать в них китайские представления о сотрудничестве, гармонии и многообразии.

Китайские рекомендации «мировоззренческой перестройки» американской внешней политики переводят полемику в сферу ценностей, которая долгое время была монополизирована Западом. Речь идет не о критике капитализма с позиций идеологии социализма, как это было во второй половине XX в., а о подчеркивании отставания США в осмыслении тенденций современного мира, их неспособности отказаться от менталитета «холодной войны», согласиться на равноправное взаимодействие с Китаем. Пекин создает новый контекст для споров с Вашингтоном путем редуцирования источника американских претензий в экономической и военной сферах к ретроградному характеру взглядов США на современный мир.

СОПРЕДЕЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПЕКИНА

При власти Си Цзиньпина заметно возросло внимание к развитию взаимодействия с соседними странами. Этот поворот указывает на стремление сделать китайскую внешнюю политику более сбалансированной, поскольку в прошлом чрезмерная сосредоточенность на развитии отношений с США отодвинула связи с соседями на задний план. Глава Школы международных исследований Пекинского университета Ван Цзисы в 2012 г. отметил: «Становясь все более могущественным, Китай чувствует себя все в меньшей безопасности». Причиной он назвал «слабость политики Китая в отношении соседей» [14, с. 122]. Китайские исследователи склонны подчеркивать, что для дальнейшего возвышения в качестве великой державы страна нуждается в обретении «стратегического тыла».

Ныне «сопредельный регион» рассматривают в Китае как важный компонент внешней политики, способный оказывать воздействие на динамику отношений с крупными державами. Поскольку Китай не может снизить внимание к отношениям с США, китайские эксперты предпочитают говорить не о замене одного направления другим, а о формировании в китайской внешней политике двух равных по значимости акцентов - это «дипломатия больших государств» и «сопредельная дипломатия».

«Сопредельная дипломатия» связана с китайскими планами внутреннего развития. На совещании в октябре 2013 г. Си Цзиньпин заявил, что «стратегическая цель сопредельной дипломатии Китая» состоит в том, чтобы обслуживать борьбу за реализацию «двух столетних» целей - завершить строительство «общества средней зажиточности» к столетию КПК в 2021 г. и построить «сильное богатое демократическое цивилизованное гармоничное социалистическое модернизированное государство» к столетию образования КНР в 2049 г., а также «осуществить великое возрождение китайской нации» [15].

На том же совещании Си Цзиньпин впервые представил характеристику отношений Китая с сопредельными странами, состоящую из четырех иероглифов: «близость-родственность» (*цин*), «честность-искренность» (*чэнь*), «милость-благоденствие» (*хуэй*), «снисходительность-инклюзивность» (*жун*). Использование понятий китайской традиционной этики подчеркивало устойчивость ориентиров внешней политики, напоминая о связи ее ценностей с многовековой традицией «родственного, гуманного и доброго» отношения к соседям со стороны Китая. Си Цзиньпин призвал придерживаться политики добрососедства и взаимопомощи, исходить из равенства и «обращать внимание на чувства», «совершать побольше дел, способных завоевать и согреть людские сердца», добиваться того, чтобы соседние страны относились к Китаю «более дружелюбно, более родственно, с большим пониманием, с большей поддержкой».

Для характеристики отношений Китая со странами Африки Си Цзиньпин в марте 2013 г. использовал иной набор характеристик, лишь половину совпадающий с ориентирами взаимодействия с сопредельными странами. В него входят «правдивость-прямота» (*чжэнь*), «реалистичность-прагматичность» (*ши*), «близость-родственность» (*цин*), «честность-искренность» (*чэнь*). Можно видеть, что «милость-благоденствие» и «снисходительность-инклюзивность» адресованы лишь соседям. Дальние партнеры могут рассчитывать на «прямоту» и «прагматизм» в осуществлении двустороннего сотрудничества.

Начиная с 2013 г. Си Цзиньпин неоднократно выступал с идеей создания «сообществ судьбы». Китайский руководитель адресовал ее Африке,

Латинской Америке, АСЕАН, а также сопредельным странам, в целом. Появились формулировки «азиатское сообщество судьбы», «азиатско-африканское сообщество судьбы», «сообщество судьбы Китая и АСЕАН», одной из недавних вариаций на эту тему стала идея «сообщества судьбы ядерной безопасности». В основе китайской идеи «сообщества судьбы» находятся акцент на равноправии, совместном обсуждении правил взаимодействия, стремление к партнерским отношениям, открытости, инклюзивности, признанию многообразия культур и путей развития. Из китайских публикаций можно сделать вывод, что «сообщество судьбы» предполагает создание механизмов взаимодействия, предполагающих общую ответственность, а также комплексное продвижение сотрудничества в политике, экономике и культуре. Большое значение китайское руководство уделяет лозунгу создания «сообщества судьбы человечества», продвижение в этом направлении увязано с построением «международных отношений нового типа».

РЕФОРМА ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В прошлом китайские эксперты с настороженностью относились к западной концепции «глобального управления». Они видели в ней инструмент вмешательства во внутренние дела, попытку обосновать требование - поставить созданные под эгидой Запада международные структуры выше национального суверенитета. Ситуация изменилась после того, как понятие «глобальное управление» в позитивном контексте вошло в отчетный доклад ЦК КПК на XVIII съезде (ноябрь 2012 г.).

Официальное признание открыло путь для разработки китайской версии концепции глобального управления. Она избегает намеков на политическое вмешательство и сосредоточена на экономических проблемах, подчеркивая поиск общих позиций на основе заинтересованности в развитии глобальной экономики и снятии барьеров на пути торговли и инвестиций. Стремление повысить свою роль в мировых финансово-экономических структурах Китай обосновывает не только защитой собственных интересов, но и необходимостью отстаивать интересы развивающихся стран при обсуждении глобальных проблем.

В 2016 г. в Китае заговорили о готовности предложить внешнему миру «китайские планы» реформирования глобальной экономической системы. На саммите «двадцатки» в Ханчжоу китайская сторона призвала к созданию мировой экономики открытого типа, дальнейшей либерализации в торгово-инвестиционной сфере. Приоритетные направления деятельности «двадцатки» Си Цзиньпин сформулировал в китайском понятии лексиконе - «продвигаться вместе с эпохой», обеспечивать «единство знания и дейст-

вия», «совместно строить и совместно пользоваться», «находящимся в одной лодке следует объединить усилия», подчеркнув, тем самым, свое мнение о применимости китайских подходов и формулировок к решению глобальных проблем.

При обсуждении инициативы «один пояс - один путь» китайская сторона акцентирует принцип «совместного обсуждения, совместного строительства, совместного использования». Это попытка подчеркнуть, что Китай не будет навязывать свои планы в одностороннем порядке, он готов вместе с партнерами пройти весь путь от обсуждения новых правил сотрудничества до их воплощения в жизнь, результаты применения этих правил должны приносить выгоду всем участникам.

27 сентября 2016 г., вскоре после встречи «двадцатки» в Ханчжоу, состоялась коллективная учеба политбюро ЦК КПК по глобальному управлению. Это была демонстрация того, что тема остается в центре внимания китайского руководства. Си Цзиньпин заявил, что после заседания «двадцатки» Китай укрепил свои позиции в глобальном управлении. Он отметил, что Китай должен активно участвовать в формировании норм в новых сферах глобального управления: это моря, полярные территории, интернет, открытый космос, ядерная безопасность, борьба с коррупцией, изменение климата. Китайские интересы в глобальном управлении все дальше выходят за рамки инвестиционной и торгово-экономической проблематики.

МЕЖДУ ВЫГОДОЙ И ДОЛГОМ

Си Цзиньпин проводит целенаправленную «рекитаизацию» китайской политики, подчеркивая важность и актуальность истории и традиционной мысли для современности. В политическом лексиконе КНР все чаще можно встретить категории и образы традиционной культуры.

Усилия по укреплению национальной идентичности затрагивают сферу внешней политики. В ноябре 2014 г. на Центральном совещании по вопросам внешней политики Си Цзиньпин провозгласил, что «Китаю обязательно нужна дипломатия большой державы с собственной спецификой». Стремление придать внешней политике КНР «китайский облик» привело к появлению концепций «дипломатии великого государства с китайской спецификой», «специфического китайского пути защиты национальных интересов». Неотъемлемой частью поиска национальной специфики становится желание связать современную внешнюю политику с традиционной культурой. Ссылки на древность становятся способом демонстрации устойчивости и предсказуемости китайской дипломатии, наличия у нее прочных ценностных устоев.

Важной частью этих усилий стал призыв Си

Цзиньпина к установлению «правильного взгляда на долг и выгоду» в международных отношениях, прежде всего в связях с сопредельными странами. Эта идея восходит к раннему конфуцианству, декларировавшему приоритет «долга-справедливости» (*у*) над «пользой-выгодой» (*ли*). В китайской традиции следование долгу выступало важнейшей характеристикой обладающего высокими моральными качествами «благородного мужа» (*цзюнь-цзы*), тогда как презираемое стремление к выгоде было атрибутом «мелкого человека».

Прозвучавшие в 2013 г. рассуждения Си Цзиньпина о соотношении «долга» и «выгоды» касались проблем несправедливости и неравномерности мирового развития: «Долг отражает наши идеи коммунистов, идеи социалистического государства. В этом мире часть людей живет слишком хорошо, часть людей живет слишком плохо, это нехороший феномен. Подлинная радость и счастье - это когда все радуются, когда общее счастье. Мы надеемся на совместное развитие мира в целом, в особенности надеемся на быстрое развитие развивающихся стран. Что касается выгоды, тут нужно следовать принципу взаимной выгоды и общего выигрыша, не заниматься тем, что «я выиграл - ты проиграл», нужно осуществлять двойной выигрыш. Наш долг в том, чтобы в меру сил помогать бедным странам, временами обращать внимание на долг, а не на выгоду, отбрасывать выгоду и выбирать долг, никак нельзя думать только о выгоде, только ее и высчитывать».

Си Цзиньпин также отметил: «В отношении сопредельных и развивающихся стран обязательно нужно придерживаться правильного взгляда на долг и выгоду... только тогда можно хорошо сделать работу, дойти до людских сердец. В отношении долгосрочно дружественных к Китаю и обладающих огромными задачами по собственному развитию сопредельных и развивающихся стран нужно больше думать о выгоде другой стороны, не нужно наносить ущерб другим ради выгоды для себя, использовать поле соседа для отвода воды» [16].

Эти цитаты были обнародованы в установочной публикации главы МИД КНР, в которой была предпринята попытка придать «правильному взгляду на долг и выгоду» беспрецедентно высокий идеологический статус части «сердцевинных ценностных воззрений китайской дипломатии». Необходимо пояснить, что внутри Китая в то время набирала обороты кампания по пропаганде среди населения двенадцати нормативных «сердцевинных социалистических ценностных воззрений» (богатство и сила, демократия, цивилизация, гармония, свобода, равенство, справедливость, правовое правление, патриотизм, преданность делу, честность, дружба и доброта). Однако эта попытка соединить внешнюю политику с идеологической работой внутри страны не получила дальнейшего развития.

Подчеркнутое информационное внимание к соблюдению «долга-справедливости» и следованию моральным обязательствам отчасти является контрпропагандистским противовесом рассуждениям западных аналитиков о том, что при инвестировании в развивающихся странах, прежде всего в Африке, Китай добивается выгоды лишь для себя, пренебрегая правами местных работников и требованиями защиты окружающей среды. Вместе с тем, это часть крупномасштабной работы по созданию образа ответственной державы, обладающей устойчивыми ценностными ориентирами. Конфуцианское понимание «долга» становится частью аргументации, подчеркивающей, что Китай не признает «право сильного» в западном «гегемонистском порядке» и отвергает «игру с нулевой суммой» в пользу стратегии обретения общей выгоды.

Традиционная китайская этика была построена на системе взаимных обязательств. Фраза Конфуция «Правитель должен быть правителем, подданный - подданным, отец - отцом, сын - сыном» (Лунь юй, XII:11) означала, что каждой социальной роли соответствует определенный тип поведения. Те, кто не соблюдает эти правила, выпадают из системы общественных и семейных связей. Расширение этой схемы до взаимодействия «центра» и «периферии» предполагает, что богатый Китай будет вести себя как благожелательный «центр», который станет заботиться о процветании соседей, а те, в ответ, не станут наносить вред безопасности Китая и начнут поддерживать китайскую политику. Тут неизбежно будет возникать вопрос о том, как совместить поддерживаемые Китаем идеи многополярности, равноправия и демократизации международных отношений с асимметричностью традиционной модели отношений между могущественным «центром» и окружающей «периферией», получающей beneficia от «центра».

Провозглашенное Китаем создание «сообщества судьбы» предполагает осознание другими странами общности интересов и единства перспективы развития. Еще в 2013 г. Си Цзиньпин соединил идею «сообщества судьбы» с «китайской мечтой». Он заявил, что «китайская мечта взаимно соприкасается с мечтами народов сопредельных государств». «Нужно усилить пропаганду и разъяснение, сделать акцент на взаимном соединении китайской мечты с надеждами на лучшую жизнь народов всех сопредельных стран, с перспективами развития региона, чтобы сознание общности судьбы пустило корни в сопредельных странах» [15]. Это заявление стало указанием на готовность Китая развернуть широкомасштабную пропагандистскую деятельность по воздействию на общественное мнение соседей.

В Китае подчеркивают, что в основе лозунга «сотрудничества и общего выигрыша» также находятся традиционные идеи. Поскольку конфу-

цианская культура ставит на первое место гармонию при сохранении различий, именно Китай способен претендовать на то, чтобы в современном мире возглавить процесс осуществления идеалов «совместного развития» в экономике, «великого единения» всех цивилизаций, вплоть до реализации «совместной, комплексной, основанной на сотрудничестве, устойчивой азиатской безопасности». Предполагается, что западная культура слишком конфликтна для того, чтобы добиться успешного осуществления этих целей.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА

Усилия Китая по проекции в сопредельные страны своих идей и ценностей ради осуществления «стыковки людских сердец» указывают на стремление сформировать у соседей позитивные ожидания от усиления китайского могущества. Руководство страны постоянно напоминает о том, что политика миролюбия укоренена в китайской традиции и что Китай не последует по пути западных стран, добившихся экономического могущества с помощью колониальных захватов. Си Цзиньпин утверждает, что в новое время Китай прошел через столетие потрясений и войн - от поражения в Опиумной войне в середине XIX в. до образования КНР в середине XX в., однако не будет за это мстить другим странам и народам. Китайцы ценят мир, поскольку опасаются потрясений и стремятся к стабильности. Дополнительными подтверждениями этого тезиса становятся ссылки на традиционные китайские поучения: «относиться к гармонии как к драгоценности», «чего не желаешь себе, того не навязывай другим людям», «среди четырех морей все люди являются братьями» и т.д.

Подобные аргументы неизбежно вовлекают в сферу оценки внешней политики Китая исторический материал и его истолкование, открывая широкое пространство для споров. Исследователи признают, что Китай проводил экспансионистскую политику, но это было лишь в XVII-XVIII вв. во времена правления «иностранной» маньчжурской династии Цин. Все остальное время Китай обладал непревзойденной жесткой и «мягкой силой», но не пытался осуществить колонизацию соседей. На этой основе исторически сложилась общность «Поднебесной», в которой Китай якобы «царствовал, но не управлял» [17, р. 836].

Попытку критической ревизии китайской трактовки истории в книге «Все под небесами: как прошлое формирует натиск Китая к глобальной мощи» представил американский журналист Говард Френч, возглавлявший в прошлом бюро газеты «Нью-Йорк Таймс» в Шанхае. Его формулировка сущности послания соседям Китая, зафиксированного в традиционном *Pax Sinica*, подчеркнута прямолинейна: «Принимайте наше превос-

ходство, и мы придадим вам политическую легитимность, будем развивать торговое партнерство и предоставим то, что известно на языке современных международных отношений как общественные блага. Они включали наведение порядка в общих морских территориях, посредничество в спорах и предоставление доступа к китайской универсальной системе образования, основанной на конфуцианстве» [18, р. 5].

В своей рецензии на эту работу директор азиатских исследований в Совете по международным отношениям (США) Элизабет Экономидис отметила, что усилия по «демифологизации» китайской истории превращаются в важную часть современных споров о возвышении Китая. «Китайские ученые и чиновники привычно утверждают, что их миролюбивая, неинтервенционистская и неколониалистская страна отличается от других держав, дабы развеять озабоченность ее растущей военной мощью. Как показал Френч, однако, в этих претензиях мало толка; подобно всем имперским державам, Китай использовал силу ради территориальной экспансии» [19, р. 144].

Провозглашенный Си Цзиньпином лозунг «возрождения китайской нации» воспринимают на Западе как указание на желание Китая вернуться к былому могуществу и обрести соответствующее место в мировом порядке. В этих условиях возникает спрос на опровержения нормативных толкований исторического миролюбия и благожелательности Китая. Намечающийся спор об истолковании истории отношений Китая с соседями обещает быть политизированным и тесно связанным с проблемами международной политики наших дней. Не имея собственных познаний, оценить позиции спорщиков будет непросто, поэтому сохранение и развитие российской школы изучения китайской истории важно для выработки современной политики России в Восточной Азии.

БОРЬБА ЗА УМЫ И СЕРДЦА

В области публичной дипломатии Си Цзиньпин подчеркивает важность общественных настроений в других странах, поскольку «отношения государств опираются на взаимную близость людей». В сфере внешней пропаганды он поставил задачи «рассказывать китайские истории» и «транслировать китайский голос». Китайские эксперты называют Си Цзиньпина образцовым «рассказчиком китайских историй» в ходе выступлений во время зарубежных визитов. Эти истории образно обосновывают легитимность китайской модели развития и миролюбие Китая, некоторые из них даже были охарактеризованы в китайской научной периодике как «теории» [20].

«Теория ботинка» восходит к выступлению Си Цзиньпина весной 2013 г. в МГИМО. Тогда китайский лидер заявил, что лишь сам человек мо-

жет сказать, подходит ли его ноге ботинок, и лишь сам народ - а не иностранцы - может судить о том, подходит ли ему определенная модель развития.

«Теория чая и пива» появилась в апреле 2014 г. в речи Си Цзиньпина в Брюгге. Он сказал о том, что китайцы любят пить чай, а бельгийцы любят пиво, они нашли наиболее подходящие для них пути, чтобы радоваться жизни и познавать мир. Из этих различий складывается многообразие, китайская и европейская культуры равноправны.

«Теория мандаринового дерева» из того же выступления в Брюгге опиралась на древнюю китайскую притчу о том, как на южном берегу реки дерево приносило сладкие плоды, а после пересадки на северный берег его плоды стали кислыми. В изложении Си Цзиньпина эта история стала свидетельством того, что западная модель в Китае не приживется и хороших плодов не принесет.

«Теория льва» стала отсылкой к известной фразе Наполеона. В марте 2014 г. в выступлении в Париже в честь 50-летия двусторонних отношений Си Цзиньпин напомнил, что Наполеон называл Китай «спящим львом», от пробуждения которого содрогнется мир. Теперь лев проснулся, однако он не несет угрозы, поскольку это «мирный, способный быть близким, цивилизованный лев».

Китайская сторона борется не только за проекцию своих идей во внешний мир, но и за их «правильное понимание иностранцами». Китайские эксперты все чаще обращаются к теме оптимального перевода китайских политических концепций. К примеру, сочетание «*Чжунго мэн*», по их мнению, лучше переводить не как «мечта Китая», а как «китайская мечта», поскольку это позволяет подчеркнуть ее связь с культурной традицией и чаяниями народа. Перевод «новый тип отношений между большими государствами» как «*new type of major power relationship*» вызывает несогласие, поскольку *power* может напоминать о силовой политике либо о гегемонизме. Поскольку эта концепция отражает отказ китайского руководства от западной «логики силы», лучше переводить ее как «*new model of major country relationship*». Больше всего критических замечаний вызывает перевод предложенной Дэн Сяопином формулы «не выставлять свои возможности напоказ» (*mao yan guan huayì*) как «*hide our capacity and bide our time*». Китайские авторы утверждают, что этот неточный вариант перевода умышленно сделали американские военные, стремившиеся создать возможность обвинить Китай в проведении политики неких недобрых «долгосрочных приготовлений» [21, р. 94].

В ПОИСКАХ «ВЗАИМНОГО ВЫИГРЫША»

В Китае часто вспоминают слова дипломата начала XX в. Лу Чжэнсяна о том, что «у слабого государства нет дипломатии». Они отразили горечь осознания того, что слабый Китай не имел

возможности отстаивать свои внешнеполитические интересы и рассчитывать на справедливое отношение со стороны крупных держав. Теперь речь идет о том, чтобы поскорее преодолеть инерцию восприятия себя как слабого международного игрока, неспособного к продвижению глобальных инициатив. Провозглашенная Си Цзиньпином политика «укрепления четырех уверенностей» (китайцы должны быть уверены в китайском строе, китайском пути развития, теории социализма с китайской спецификой и в китайской культуре) косвенным образом затрагивает и сферу внешней политики, она должна повышать уверенность людей в ее потенциале.

Следует поддержать тезис о том, что китайский официальный дискурс «нельзя отбрасывать как пропаганду или политическую риторику, поскольку он дает важный ключ относительно намерений китайского руководства и растущих амбиций Китая» [22, р. 85]. Изучение китайской политики превращается в комплексную междисциплинарную проблему. Для решения этой задачи нужны не только политология и теория международных отношений, но также китаеведение.

Появление в китайском внешнеполитическом дискурсе сюжетов из древней истории и культуры требует для их анализа содружества политологов со специалистами по классическому китайскому языку, традиционной мысли, литературе и философии. России обязательно нужно сохранить научные традиции, накопленные в этой сфере за несколько столетий. Страна, располагающая квалифицированными исследовательскими кадрами в традиционной синологии и изучении современного Китая, в итоге глубже разберется в китайской внешней политике, а это поможет правильно строить отношения с КНР.

Также нужно уделять внимание методологическим основаниям изучения китайской политики. Классический реализм с задачей анализа современной китайской политики справляется плохо, поскольку не принимает во внимание «специфическую структуру китайской политической системы, ее историко-культурные основания». Н.Носселт полагает, что без учета этих факторов получается предсказание роста китайской агрессивности и экспансии, основанное на осмыслении опыта бывшего возвышения Германии и Японии. Чтобы избежать этой подмены, нужно иметь возможность исходить из того, что «разные региональные и культурные контексты могут определяться разными причинными механизмами» [1, pp. 19-20].

Новые концепции китайской внешней политики восходят к выступлениям Си Цзиньпина, значительная их часть появилась в 2013 г. в первый год его пребывания у власти. Российский исследователь В.Я.Портяков (ИДВ РАН) отмечает, что в 2016 г. в Китае была развернута активная пропаганда «особых заслуг» Си Цзиньпина в выработке и проведении внешнеполитического курса страны

[23, с. 6]. С учетом присвоения в 2016 г. Си Цзиньпину статуса «ядра ЦК партии» можно предположить, что высокая степень персонализации китайской политики сохранится в ближайшие годы.

Анджела По и Ли Минцзян (Наньянский технологический университет, Сингапур) в своих работах утверждали, что подозрительность и противодействие по отношению к любым предложениям и заявлениям Пекина непродуктивны, они лишь увеличивают вероятность нестабильности. Вместо этого следует добиваться от Китая прояснения намерений, выявления смысла его инициатив в контексте риторики «взаимовыигрышного сотрудничества». Этот путь якобы позволил бы максимизировать потенциал Китая как «доброжелательной, ответственной и благодетельной крупной державы», избежать возможного конфликта между державами [22, р. 93].

Сопоставление ценностных воззрений должно быть избавлено от поверхностных и устаревших подходов. Стремление Китая предложить свой взгляд на глобальные проблемы уже не является воплощением соперничества «передового» социализма с «реакционным» капитализмом, как и проявлением борьбы восточного «авторитаризма» с западным «либерализмом». Китайский дискурс говорит о необходимости вместе строить мир, в котором не будет раскола на блоки, где сторонники «правильных» ценностей не станут навязывать их другим странам, где не будет соперничества великих держав за мировую гегемонию, а на место «игры с нулевой суммой» встанет «взаимный выигрыш». Российские исследователи международных процессов А.Д.Воскресенский, Е.В.Колдунова и А.А.Киреева (МГИМО) полагают, что в современном полицентричном мире альтернативой геополитической конфронтации способна стать нацеленная на стабилизацию мировой системы и укрепление ее внутренней связанности разработка «пусть и конкурирующих, но взаимовыгодных, конструктивного типа региональных политик трансрегионального сопряжения региональных пространств» [24, с. 47].

Китайские новшества в области внешней политики помогают решению этой задачи. Следует признать, что в ряде случаев они сводятся к провозглашению идеальных программных ориентиров, построенных на критике недостатков западной модели международных отношений. Однако отсутствие целостной картины не означает, что новые внешнеполитические концепции Китая не заслуживают внимания. Из отдельных инициатив и идей постепенно складывается новая комплексная теория международных отношений. После прихода к власти Си Цзиньпина этот процесс заметно ускорился. Ко времени завершения его лидерских полномочий в 2022 г. обновленная китайская внешнеполитическая концепция имеет шансы обрести четкие структурные контуры.

Статья основана на выступлении автора на общем собрании Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН 15 июня 2017 г.

Автор выражает глубокую признательность организаторам и участникам обсуждения.

Список литературы / References

1. Noesselt N. China's Foreign Strategy After the 18th Party Congress: Business as Usual? // Journal of Chinese Political Science. 2015. Vol. 20. № 1. Pp. 17-33.
2. Ren Zhongping. Standing on intersection of destiny of China and the world, writing in the year of full implementation of great power diplomacy with Chinese characteristics // Renmin ribao. 31.12.2015. P. 1. (In Chin.)
3. Ferdinand P. Westward ho—the China dream and 'one belt, one road': Chinese foreign policy under Xi Jinping // International Affairs. 2016. Vol. 92. № 4. Pp. 941-957.
4. Xi Jinping: to co-ordinate better domestic and international situation, to solidify foundations for following the path of peaceful development // Xinhua. 29.01.2013. Beijing (In Chin.) - <http://cpc.people.com.cn/n/2013/0130/c64094-20368861.html> (accessed 28.08.2017)
5. Xue Li, Xiao Huanrong. How Should China's Foreign Policy Apparatus Respond to OBOR Strategy? // Dongnanya yanjiu. 2016. № 2. Pp. 57-63 (In Chin.)
6. Sun Jing. Growing Diplomacy, Retreating Diplomats - How the Chinese Foreign Ministry has been Marginalized in Foreign Policymaking // Journal of Contemporary China. 2017. Vol. 26. № 105. Pp. 419-433.
7. Xi Jinping met Russian Foreign Minister Lavrov // Renmin ribao. 29.04.2016. P. 1 (In Chin.)
8. Zeng Jinghan, Breslin S. China's 'new type of Great Power relations': a G2 with Chinese characteristics? // International Affairs. 2016. Vol. 92. № 4. Pp. 773-794.
9. Remarks Before His Meeting With Chinese Foreign Minister Wang Yi. Rex W. Tillerson, Secretary of State. Diaoyutai Beijing, China. March 18, 2017 - <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/03/268515.htm> (accessed 28.08.2017)
10. Zhang Feng. Tillerson Speaks Chinese: The United States and Beijing's Diplomatic Language. April 4, 2017 - <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-04-04/tillerson-speaks-chinese> (accessed 28.08.2017)
11. Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? Boston-N.Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 364 p.
12. Moore G.J. Avoiding a Thucydides Trap in Sino-American Relations (...and 7 Reasons why that Might be Difficult) // Asian Security. 2017. Vol 13. № 2. Pp. 98-115.
13. Xi Jinping's speech at the joint banquet hosted by Washington State government and American friendly communities. Seattle, 22.09.2015 // Xinhua wang (In Chin.) - http://news.xinhuanet.com/world/2015-09/23/c_1116656143.htm (accessed 28.08.2017)
14. Гордон А.В. 2016.04.025-029. Внешнеполитический курс Си Цзиньпина (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2016. № 4. С. 104-131. (Gordon A.V. 2016.04.025-029. Foreign policy of Xi Jinping (combined summary) // Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 9: Oriental Studies and African Studies. 2016. № 4. Pp. 104-131) (In Russ.)
15. Xi Jinping delivered important speech at peripheral diplomacy work forum. Beijing, 25.10.2013 // Xinhua wang (In Chin.) - <http://politics.people.com.cn/n/2013/1025/c1024-23332318.html> (accessed 28.08.2017)
16. Wang Yi. Adhere to Correct View on Righteousness and Benefit, Play Actively the Role of Responsible Power // Renmin ribao. 10.09.2013. P. 7 (In Chin.)
17. Zhang Yunling. China and its neighbourhood: transformation, challenges and grand strategy // International Affairs. 2016. Vol. 92. № 4. Pp. 835-848.
18. French H.W. Everything Under the Heavens: How the Past Helps Shape China's Push for Global Power. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2017. 352 p.
19. Economy E.C. History With Chinese Characteristics: How China's Imagined Past Shapes Its Present // Foreign Affairs. 2017. Vol. 96. № 4 (July/August). Pp. 141-148.
20. Zhang Hui. On the Diplomatic Working Concept of General Secretary Xi Jinping // Guangxi shifan xueyuan xuebao (zhexue shehui kexue ban). 2016. Vol. 37. № 6. Pp. 24-28, 49 (In Chin.)
21. Zhang Hongyu. "Three-Confidence" Theory and the Building of Chinese Discourse Right in Diplomatic Translation // Xinyang shifan xueyuan xuebao (zhexue shehui kexue ban). 2016. Vol. 36. № 1. Pp. 92-95 (In Chin.)
22. Poh A., Li Mingjiang. A China in Transition: The Rhetoric and Substance of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping // Asian Security. 2017. Vol. 13. № 2. Pp. 84-97.
23. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 4-12. (Portyakov V.Ya. Foreign Policy of the People's Republic of China in 2016 // Problems of the Far East. 2017. № 1. Pp. 4-12) (In Russ.)
24. Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. 2017. № 2. С. 37-57 (Voskressenski A.D., Koldunova E.V., Kireeva A.A. Transregional and Regional Projects in "Post-Western" International Reality // Comparative Politics Russia. 2017. № 2. Pp. 37-57) (In Russ.)